

Встреча. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!

Встреча. Владимир Владимирович Набоков

У Льва был брат Серафим, Серафим был старше и толще его, – впрочем весьма возможно, что за эти девять, нет, позвольте, десять, Боже мой – десять с лишком лет, он похудел, кто его знает, – будет известно через несколько минут. Лев уехал, Серафим остался, – и то и другое произошло совсем случайно, – и даже, если хотите, именно Лев был скорее левоват. Серафим же, только что окончивший тогда Политехникум, ни о чем, кроме как о своем поприще, не думал, боялся политических сквозняков, странно, странно, странно, – через несколько минут он войдет. Обняться? Сколько лет, сколько зим? Спец. О, эти слова с отъеденными хвостами, точно рыбы головизны... спец...

Утром был телефонный звонок, чужой женский голос по-немецки сообщил: приехал, хотел бы сегодня вечером зайти, завтра уезжает. Неожиданность, – хотя Лев уже знал, что брат в Берлине. У Льва был знакомый, у которого был знакомый, у которого, в свою очередь, был знакомый, служивший в торгпредстве. Командировка, закупает что-нибудь. Он в партии? Десять с лишком лет.

Все эти годы они не сносились друг с другом, Серафим ровно ничего не знал о брате. Лев почти ничего не знал о Серафиме. Раза два имя Серафима просквозило в серой, как дымовая завеса, советской газете, которую Лев просматривал в библиотеке. «А поскольку – писал Серафим, – основной предпосылкой индустриализации является укрепление социалистических элементов в нашей экономической системе вообще, коренной сдвиг в деревне выдвигается, как одна из особо существенных и первоочередных текущих задач».

Лев, с простительным запозданием доучившийся в пражском университете (диссертация о славянофильских течениях в русской литературе), теперь искал счастья в Берлине, и все не мог решить, в чем оно, это счастье, – в торговле всякими пустяками, как советовал Лещеев, или в типографской работе, как предлагал Фукс. К слову сказать, Лещеев и Фукс с женами собирались его навестить как раз в этот вечер, было русское Рождество, Лев на последние деньги купил подержанную елочку, ростом в поларшина, пяток малиновых свечек, фунт сухарей, полфунта конфет. Гости обещали позаботиться о водке и вине. Но, как только сделано было ему конспиративное и невероятное сообщение о желании брата повидаться с ним, – Лев поспешил гостей отменить. Лещеевых не оказалось дома, – он передал через прислугу: непредвиденное дело. Конечно, беседа с братом, на юру, сглазу на глаз, будет крайне мучительной, но еще хуже, если...«...Это мой брат, из России». – «Очень приятно. Ну, что, – скоро они подохнут?» – «То есть кто-они? Я вас не понимаю». Особенно горяч и нетерпим был Лещеев... Нет, нет, отменить.

Теперь, около восьми вечера, он похаживал по своей бедной, но чистенькой комнате, стучаясь то о стол, то о белую грядку тощей кровати, – бедный, но чистенький господин, в черном костюме с лоском, в отложном воротничке, слишком для него широко. У него было безбородое, курносое, простоватое лицо, с маленькими, слегка безумными глазами. Он носил гетры, чтобы скрыть дырки в носках. Недавно он разошелся с женой, которая совершенно неожиданно изменила ему, – и с кем, с кем... с пошляком, с ничтожеством... Он теперь убрал ее портрет, – иначе пришлось бы отвечать на вопросы брата («кто это?» «Моя бывшая жена». «То есть как- бывшая?..»). Убрал он и елку, – выставил ее, с разрешения квартирной хозяйки, на хозяйский балкон, – а то, кто его знает, еще посмеется над эмигрантской чувствительностью. Нечего было покупать. Традиция. Гости, огоньки. Потушите свет, чтобы только она горела. Зеркально играющие глаза госпожи Лещеевой.

О чем же говорить с братом? Рассказать вскользь, беззаботно, о приключениях на юге России, в пору Гражданской войны? Шутливо пожаловаться на сегодняшнюю (нестерпимую, задыхающуюся) нищету? Притвориться человеком с широкими взглядами, стоящим выше эмигрантской злобы, понимающим... что понимающим? Что Серафим мог предпочесть моей бедности, моей чистоте – деятельное сотрудничество... с кем, с кем! Или напротив, – нападать, стыдить, спорить, а не то- едко острить: Термин «пятилетка» напоминает мне чем-то конский завод.

Он вообразил Серафима, его мясистые пологие плечи, огромные галоши, лужи в саду

Встреча. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru перед дачей, смерть родителей, начало революции... Никогда не были они особенно дружны, – еще в гимназии у каждого были свои товарищи, свои учителя... Летом семнадцатого года был у Серафима довольно неказистый роман с соседкой по даче, женой присяжного поверенного. Истощенные крики присяжного поверенного, мордобой, немолодая, растрепанная женщина с кошачьим лицом, бегущая по аллее, и где-то на заднем плане скандальный звон разбитого стекла. Однажды Серафим, купаясь в реке, чуть не утонул... Вот наиболее яркие воспоминания о нем, – не Бог весть какие. Кажется, что помнишь человека живо, подробно, а подумаешь, и получается так глупо, так скудно, так мелко, – обманчивый фасад, дутые предприятия памяти. А как-никак, родной брат. Он много ел. Он был аккуратен. Что еще. Как-то раз вечером, за чайным столом...

Пробило восемь часов. Лев нервно посмотрел в окно. Моросило, расплывались в глазах фонари. Белели остатки мокрого снега вдоль панели. Подогретое Рождество. Напротив с балкона свешивались, вяло трепеща в темноте, бледные бумажные ленты, оставшиеся от немецкого Нового Года. Внезапный звонок с парадной был как электрическая вспышка где-то под ложечкой.

Еще крупнее, еще толще, чем прежде. Он делал вид, что страшно запыхался. Он взял Льва за руку. Оба молчали, одинаково осклабясь. Русское ватное пальто с небольшим каракулевым воротником, застегивающимся на крючок, серая заграничная шляпа.

– Вот сюда, – сказал Лев. – Снимай. Давай, я сюда положу. Ты сразу нашел?

– Унтергрудом, – сказал Серафим, пыхтя. – Ну-ну, вот значит как...

С преувеличенным вздохом облегчения он сел в кресло.

– Сейчас сделаем чай, – суетливо сказал Лев, взясь со спиртовкой на умывальнике.

– Погодка, – сказал Серафим, потирая руки. В действительности было на дворе не холодно.

Спирт помещался в медном шаре; если повернуть винт, спирт просачивался в черный желобок. Надо было чуть-чуть выпустить, завинтить опять и поднести спичку. Загорался мягкий желтоватый огонь, плавал в желобке, постепенно умирал, и тогда следовало открыть кран вторично, и с громким стуком – под чугунной подставкой, где с видом жертвы стоял высокий жестяной чайник с родимым пятном на боку, – вспыхивал уже совсем другой, матово-голубой огонь, зубчатая голубая корона. Как и почему все это происходило. Лев не знал, да этим и не интересовался. Он слепо следовал наставлениям хозяйки. Серафим сперва смотрел на возню со спиртовкой через плечо, поскольку ему это позволяла тучность, – а потом встал, подошел, и некоторое время они говорили о машинке, Серафим объяснил ее устройство и нежно повертел винт.

– Ну, как живешь? – спросил он, снова погружаясь в тесное кресло.

– Да вот – как видишь, – ответил Лев. – Сейчас будет чай. Если ты голоден, у меня есть колбаса.

Серафим отказался, обстоятельно высморкался и заговорил о Берлине.

– Перещеголяли Америку, – сказал он. – Какое движение на улицах. Город изменился чрезвычайно. Я, знаешь, приезжал сюда в двадцать четвертом году.

– Я тогда жил в Праге, – сказал Лев.

– Вот как, – сказал Серафим.

Молчание. Оба смотрели на чайник, точно ожидая от него чуда.

– Скоро закипит, – сказал Лев. – Возьми пока этих карамелек.

Серафим взял, у него задвигалась левая щека. Лев все не решался сесть: сесть значило расположиться к беседе, – он предпочитал стоять или слоняться между кроватью и столом. На бесцветном ковре было рассыпано несколько хвойных игл.

Встреча. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
Вдруг легкое шипение прекратилось.

– Потух немец, – сказал Серафим.

– Это мы сейчас, – заторопился Лев, – это мы сейчас.

Но спирта в бутылке больше не оказалось. «Какая история... Я, знаешь, попрошу у хозяйки».

Он вышел в коридор, направляясь в сторону хозяйских апартаментов. Идиотство. Знал, что нужно купить... Дали бы в долг. И забыл. Он постучал в дверь. Никого. Ноль внимания, фунт презрения. Почему она вспомнилась, эта школьная прибаутка. Постучал еще раз. Все темно. Ушла. Он пробрался к кухне. Кухня была предусмотрительно заперта.

Лев постоял в темном коридоре, думая не столько о спирте, сколько о том, какое это облегчение побыть минуту одному и как мучительно возвращаться в напряженную комнату, где плотно сидит чужой человек. О чем говорить? Статья о Фарадее в старом номере немецкого журнала. Нет, не то. Когда он вернулся, Серафим стоял у этажерки и разглядывал потрепанные, несчастные на вид книги.

– Вот история, – сказал Лев. – Прямо обидно. Ты ради Бога прости. Может быть...

(Может быть, вода была на краю кипения? Нет. Едва теплая.)

– Ерунда, – сказал Серафим. – Я, признаться, небольшой любитель чаю. Ты что, много читаешь?

(Спуститься в кабак за пивом? Не хватит, не дадут. Черт знает что, на конфеты ухлопал, на елку.)

– Да, читаю, – сказал он вслух. – Ах, как это неприятно, как неприятно. Если бы хозяйка...

– Брось, – сказал Серафим. – Обойдемся. Вот, значит, какие дела. Да. А как вообще? Здоровье как? Здоров? Самое главное – здоровье. А я вот мало читаю, – продолжал он, косясь на этажерку. – Все некогда. На днях в поезде мне попала под руку...

Из коридора донесся телефонный звон.

– Прости, – сказал Лев. – Ешь, – вот тут сухари, карамели. Я сейчас. – Он поспешно вышел.

– Что это вы, синьор? – сказал в телефон голос Лещеева. – Что это, право? Что случилось? Больны? Что? Не слышу. Громче. «Непредвиденное дело, – ответил Лев. – Я же передавал». «Передавал, передавал. Ну что вы, действительно. Праздник, вино куплено, жена вам подарок приготовила». «Не могу, – сказал Лев. – Мне очень самому...» «Вот чудак! Послушайте, развяжитесь там с вашим делом, – и мы к вам. Фуксы тоже здесь, Или, знаете, еще лучше, айда к нам. А? Оля, молчи, не слышу. Что вы говорите?» «Не могу, у меня... Одним словом, я занят». Лещеев выругался. «До свидания», – неловко сказал Лев в уже мертвую трубку.

Теперь Серафим разглядывал не книги, а картину на стене.

– По делу. Надоедливый, – проговорил морщась Лев. – Прости, пожалуйста.

– Много у тебя дел? – спросил Серафим, не сводя глаз с олеографии, изображавшей женщину в красном и черного, как сажа, пуделя.

– Да, зарабатываю, статьи, всякая всячина, – неопределенно ответил Лев. – А ты, – ты, значит, ненадолго сюда?

– Завтра, вероятно, уеду. Я и сейчас к тебе ненадолго. Мне еще сегодня нужно...

– Садись, – что же ты...

Серафим сел. Помолчали. Обоим хотелось пить.

– Насчет книг, – сказал Серафим. – То да се. Нет времени. Вот в поезде... случайно попалась... От нечего делать прочел. Роман. Ерунда, конечно, но довольно занятно, о кровосмесительстве. Ну-с...

Он обстоятельно рассказал содержание. Лев кивал, смотрел на его солидный серый костюм, на большие гладкие щеки, смотрел и думал: «Неужели надо было спустя десять лет опять встретиться с братом только для того, чтобы обсуждать пошлейшую книжку Леонарда Франка?»

Ему вовсе не интересно об этом говорить, и мне вовсе не интересно слушать. О чем я хотел заговорить? Какой мучительный вечер».

– Помню, читал. Да, это теперь модная тема. Ешь конфеты. Мне так совестно, что нет чаю. Ты, говоришь, нашел, что Берлин очень изменился. (Не то. Об этом уже было.)

– Американизация, – ответил Серафим. – Движение. Замечательные дома.

Пауза.

– Я хотел спросить тебя, – судорожно сказал Лев. – Это не совсем твоя область, но вот – здесь, в журнале... Я не все понял. Вот это, например. Эти его опыты.

Серафим взял журнал и стал объяснять. «Что же тут непонятного? До образования магнитного поля, – ты знаешь, что такое магнитное поле? – ну вот, до его образования существует так называемое поле электрическое. Его силовые линии расположены в плоскостях, которые проходят через вибратор. Заметь, что, по учению Фарадея, магнитная линия представляется замкнутым кольцом. Между тем как электрическая всегда разомкнута, – дай мне карандаш, – впрочем, у меня есть, – спасибо, спасибо, у меня есть».

Он долго объяснял, чертил что-то, и Лев смиренно кивал. О Юнге, о Максвелле, о Герце. Прямо доклад. Потом он попросил стакан воды.

– А мне, знаешь, пора, – сказал он, облизываясь и ставя стакан обратно на стол. – Пора. – Он вынул откуда-то из живота толстые часы. – Да, пора.

– Что ты, посиди еще, – пробормотал Лев, но Серафим покачал головой и встал, оттягивая книзу жилет. Его взгляд снова уставился на олеографию: женщина в красном и черный пудель.

– Ты не помнишь, как его звали? – сказал он, впервые за весь вечер непритворно улыбнувшись.

– Кого? – спросил Лев.

– Помнишь, – Тихотский приходил к нам на дачу с пуделем. Как звали пуделя?

– Позволь, – сказал Лев. – Позволь. Да, действительно... Я сейчас вспомню.

– Черный такой, – сказал Серафим. – Очень похож. Куда ты мое пальто... Ах, вот. Уже.

– У меня тоже выскочило из головы, – проговорил Лев. – В самом деле, как его звали?

– Ну, черт с ним. Я пошел. Ну-с... Очень был рад тебя повидать... – Он ловко, несмотря на свою грузность, надел пальто.

– Провожу тебя, – сказал Лев, доставая свой потасканный макинтош.

Оба одновременно кашлянули, это вышло глупо. Потом молча спустились по лестнице, вышли на улицу. Моросило.

– Я на унтерgrund. Но как все-таки его звали? Черный, помпоны на лапах. Вот удивительно... Память тоже.

Встреча. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru

– Буква «т», – отозвался Лев, – это я наверное помню. Буква «т».

Они перешли наискось на другую сторону улицы.

– Какая мокрядь, – сказал Серафим. – Ну-ну... Так неужели мы не вспомним? На «т», говоришь?

Свернули за угол. фонарь. Лужа. Темное здание почтамта. Около марочного автомата стояла, как всегда, нищая старуха. Она протянула руку с двумя коробками спичек. Луч фонаря скользнул по ее впалой щеке, под ноздрей дрожала яркая капелька.

– Прямо обидно, – воскликнул Серафим. – Знаю, что сидит у меня в мозговой ячейке, но невозможно добраться.

– Как ее звали, как ее звали, – подхватил Лев. – Действительно это нелепо, что мы не можем... Помнишь, она раз потерялась, Тихотский целый час стоял в лесу и звал. Начинается на «т», наверное.

Дошли до сквера. За сквером горела на синем стекле жемчужная подкова – герб унтергрунда. Каменные ступени, ведущие в глубину.

– Ну, ничего не поделаешь, – сказал Серафим. – Будь здоров. Как-нибудь опять встретимся.

– Что-то вроде Тушкана... Тошка... Ташка... – сказал Лев. – Нет, не могу. Это безнадежно. И ты будь здоров. Всех благ.

Серафим помахал растопыренной рукой, его широкая спина сгорбилась и скрылась в глубине. Лев медленно пошел обратно, – через сквер, мимо почтамта, мимо нищей... Вдруг он остановился. В памяти, в какой-то точке памяти, наметилось легкое движение, будто что-то очень маленькое проснулось и зашевелилось. Слово еще было незримо, – но уже его тень протянулась – как бы из-за угла, – и хотелось на эту тень наступить, не дать ей опять втянуться. Увы, не успел. Все исчезло, – но, в то мгновение, как мозг перестал напрягаться, снова и уже яснее дрогнуло что-то, и, как мыш, выходящая из щели, когда в комнате тихо, появилось, легко, беззвучно и таинственно, живое словесное тельце... «Дай лапу, Шутик». Шутик! Как просто. Шутик...

Он невольно оглянулся, подумал, что Серафим, сидя в подземном вагоне, тоже, быть может, вспомнил. Жалкая встреча.

Лев вздохнул, посмотрел на часы и, увидя что еще не поздно, решил направиться к дому, где жили Лещевы, – похлопать в ладони, авось отопрут.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!